

Постмодернистский оппортунизм. Северный координационный комитет (СКК) Коммунистической партии Индии (маоистской)

Введение: Дезориентированная мелкая буржуазия в индийской революции

С момента возникновения классового общества кризисы стали проявляться в различных сферах человеческого бытия (социальной, политической, экономической, биологической и т. д.). Их частота и острота возросли с институционализацией господства капитала. В современную эпоху мирового капитализма кризис стал постоянным явлением; по сути, он — следствие внутреннего противоречия капитализма, который зиждется на модели частного присвоения (продукты человеческого труда отчуждаются капиталистом) при общественном характере производства (рабочие коллективно осуществляют производственный процесс). Это фундаментальное противоречие порождает все современные кризисы — будь то на фондовом рынке, рынке данных, в добывающей промышленности, в сфере землепользования, на промышленных предприятиях или на рынке недвижимости. Кризисы движут экономикой, обществом и отдельными людьми, формируя их ментальные и физические способности. Результатом становится отчуждение от производственного процесса и снижение роли индивида в социальных и природных структурах. Это явление и называется отчуждением. Товарищ Маркс отмечал, что отчуждение проявляется не только в конечном результате, но и в самом процессе производства и производительной деятельности. Рабочий не чувствует себя «дома» на своей работе, воспринимая её лишь как средство удовлетворения иных потребностей. Для рабочего труд — это деятельность, направленная против него самого. Она независима от него и ему не принадлежит. Такой отчужденный труд приводит к отчуждению человека от его родовой сущности. Родовая сущность — жизнь производительная, жизнь, творящая жизнь, — превращается лишь в средство поддержания индивидуального существования рабочего, а сам человек отчуждается от других людей. Наконец, от человека отчуждается и сама природа, в результате чего он лишается своего «неорганического тела».

Этот мучительный психологический кризис индивида, вовлеченного в производственный процесс, находит отражение и в среде среднего класса. В Индии во время кризиса, вызванного пандемией коронавируса, миллионы рабочих и представителей среднего класса устремились в свои деревни. Пандемия обнажила глубинный раскол в обществе, который прежде был скрыт за величественными фасадами скоростных магистралей и шоссе. Рабочий класс и часть среднего класса покидали места своей работы, направляясь в родные деревни; многие погибли в пути. Чем объясняется это массовое перемещение? Разве это не социальное отчуждение? Отсутствие чувства причастности к месту пребывания делало людей уязвимыми. Очевидно, что города — не «дом» для рабочих; это лишь площадка для накопления ресурсов (денег), чтобы затем вернуться в деревню. При этом город не является тем местом, с которым средний класс мог бы себя по-настоящему отождествлять. Для среднего класса город — это лишь идеализированный образ. Средний класс жаждет города, но город никогда не принимает его до конца. Верхушка этого класса неизменно остается «резервной армией» для претенциозных городских властей. Огромная часть низших и средних слоев этого класса — люди, не имеющие работы или подвергающиеся жестокой эксплуатации (вплоть до 20-часового рабочего дня), — не в состоянии обеспечить свое существование. Они образуют обширную прослойку безработных или занятых бессмысленным трудом. Они оказываются отчужденными и от общества, и от института семьи. Ожидания семьи, наряду с необходимостью утверждать своё феодальное превосходство в обществе или в родных деревнях, буквально душат представителей среднего класса. В конечном счёте индивид начинает винить в происходящем самого себя, впадая в панику из-за неспособности угодить семье и обществу. Во всех своих неудачах человек винит лишь себя. Привычка винить себя за собственное бедственное положение — это базовая, самая примитивная логика капитала. Она перенаправляет гнев людей с мироустойства, в центре которого стоит капитал, на них самих. Вопрос о пустоте и бессмысленности жизни становится предметом буржуазной морали, обращенной внутрь личности, что ведет человека к всевозможным психическим и физическим недугам. Индивид вызывает о помощи, но не получает ее: буржуазная личностная мораль не дает ответа на проблемы класса, терпящего бедствие.

Неустойчивое положение среднего класса обусловлено той политической позицией, которую он занимает. Экономические реалии находят свое отражение в политике. Одна часть среднего класса связывает себя с борьбой рабочего класса и его партией. Благодаря этому она сохраняет свою целостность и движется к освобождению. В то же время верхний слой этого класса, поддаваясь пропаганде либеральной буржуазии, ищет утешения в наркотиках, супермаркетах, сексе и т.д. Он настолько парализован пропагандой правящих классов, что не видит надежды в медленном, но неуклонном росте сил пролетариата вокруг коммунистической партии. Прикрываясь иллюзией политического нейтралитета, этот слой фактически встает на сторону партий правящего класса. Постоянно декларируя свою идеологическую гибкость, он на деле следует идеологии и политике правящего класса и его партий, но всё же ощущает, что чего-то недостает. Это чувство неполноты преследует его, и он так и не сливается полностью с правящими классами. Нерешительность во всех сферах бытия — вот что определяет этот класс. Данная тенденция усилилась после реставрации капитализма в Китае. С момента прихода к власти в Китае ревизионистов часть среднего класса тесно сблизилась с правящим классом и распространяет ложь о коммунизме и его неизбежности. Это типичная черта среднего класса, которую товарищ Маркс подметил еще на примере Лассалья. Именно с подобными тенденциями боролись товарищи Ленин и Мао, создавая подлинно

большевистскую партию. В тяжёлые времена, когда наше движение ослабевало, именно средний класс первым отворачивался от идеологии пролетариата и становился рабом буржуазной идеологии. Это бегство свидетельствует об отсутствии революционного духа и неспособности жить жизнью пролетария. Оппортунист (либеральный интеллектual из мелкобуржуазной среды) также отвергает интеллектуальную честность: вместо анализа собственных ошибок он начинает сомневаться в теории и политической линии, которых сам же придерживался некоторое время назад. В конечном счёте такие люди достают из архивов старые, отжившие теории, с помощью которых атакуют революционную теорию марксизма-ленинизма-маоизма и переходят в лагерь реакции.

В условиях Индии революционное движение против феодализма и империализма — и особенно против брахманистского феодального уклада индийского общества — вдохновляло мелкую буржуазию. В этом движении она видела путь к освобождению от гнета патриархальных устоев семьи, от диктата «высших» существ, от слепой веры, а также от оков кастовой и родовой принадлежности. Это был период, когда широкие слои мелкой буржуазии — студенты колледжей и университетов — влились в общенациональное антифеодальное и антиимпериалистическое движение. Представители мелкой буржуазии смогли связать собственное стремление освободиться от оков феодализма и получить свободу заниматься искусством и политикой по своему выбору с потребностью пролетариата в осуществлении национально-демократической революции ради перехода к социализму и, в конечном счёте, к коммунизму; это привело к массовому притоку «среднего класса» в революционное движение. Однако, когда движение ослабло, его участники гибли, а подконтрольные ему территории сокращались, именно эти представители мелкой буржуазии первыми начинали утверждать, что предстоящий путь слишком долг и утомителен, будущее мрачно, а вокруг — одни лишь разрушения. Свои суждения они основывали на опыте — причем исключительно на личном, пережитом опыте.

Теоретический аспект отброшен и забыт; всё, что у них осталось — это опыт поражения, на основании которого они стремятся остановить любого, кто пытается возродить старое. Они покидают лагерь революционеров. Теория как руководство к действию и как наука, позволяющая понять дальнейшее развитие и успех движения или явления, откладывается в сторону. В конечном счёте мы имеем дело с классом, который, с одной стороны, отчужден от существующего порядка, установленного правящим классом, а с другой — покинул революционное движение в поисках утешения. Каким будет сознательное начало в такой жизни? На какой идеологии будет зиждиться это утешение? Ответ очевиден: это идеология, которая, с одной стороны, отрицает конечную цель, но при этом тонко оставляет пространство для господства идеологии правящих классов. Эти теории варьируются в зависимости от времени и места: где-то они принимают форму махизма, где-то — амбедкаризма, а где-то перерастают в постмодернизм. В нынешней ситуации в Индии и в мировом политическом контексте именно постмодернистская идеология направляет и укрепляет реакционную часть мелкой буржуазии. Оппортунисты апеллируют к высказываниям постмодернистских мыслителей и реакционеров, таких как Фуко и другие. Оппортунисты времен Ленина и Мао были последователями школ махизма или конфуцианства. Не будет преувеличением сказать, что все оппортунисты нашего времени — это последователи постмодернистских идей и воззрений.

Нерешительность оппортунистов, а также отрицание объективной истины и метанарративов постмодернистскими теоретиками создают идеальную почву для союза оппортунизма и постмодернистских идей. Империалистический финансовый капитал обрел надежного союзника в лице постмодернистских идей и концепций. Этот союз чрезвычайно прочен. Даже внутри партии борьба двух линий вращается вокруг противостояния постмодернистским идеям. В резолюции Политбюро от августа 2024 года постмодернизм назван одним из факторов, приведших к отступлению движения. Это делает для нас насущной задачей выявление влияния постмодернизма внутри партии и понимание того, как оппортунисты черпают в нем свою теоретическую и политическую силу. Наша партия уже публиковала статью о постмодернизме в выпуске № 20 издания «Народная война». В ней были освещены различные течения постмодернизма, существующие внутри организации и среди товарищей. В статье показано, что наступление постмодернизма на нашу партию является частью масштабного психологического наступления со стороны государства. Далее отмечается, что, помимо своей идеологической роли, постмодернизм служит политическим инструментом господствующих классов, призванным лишить пролетариат его партии. В нынешних условиях, когда наша партия ведет острую политико-идеологическую борьбу с оппортунизмом, ликвидаторством и ревизионизмом, крайне важно выявлять основные идеологии господствующего класса, способствующие поддержанию оппортунизма.

Борьба Ленина против эмпириокритицизма и оппортунизма

XX век начался с борьбы против оппортунизма в философии. В начале 1908 года среди большевиков возникли серьезные разногласия по философским вопросам. Ленин выступал против философских взглядов А. Богданова ещё с 1906 года (и даже раньше) и занял бескомпромиссную позицию по отношению к тем большевикам — А. Богданову, А. Луначарскому, В. Базарову, — которые проповедовали идеалистические взгляды в сборнике «Очерки по философии марксизма». Распространение идеализма и ревизионизма в философии стало одним из проявлений того упадка, который начал сказываться в политических кругах и партиях вследствие поражения революции 1905 года. Ленин, всегда придававший огромное значение чистоте марксистской идеологии, вёл острую борьбу с эмпириокритиками, отстаивая диалектический материализм и философские принципы

марксизма. В 1908 году Ленин завершил работу над важной философской книгой «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии». Этот труд, ставший вторым по значимости после «Анти-Дюринга» Энгельса, послужил орудием в дальнейшей борьбе с оппортунизмом, и в частности — с ликвидаторством.

Философия эмпириокритицизма получила распространение в 1890–1910 годах — в эпоху становления финансового капитала в мировом масштабе и перерастания капитализма в империализм. Реакционная сущность финансового капитала проявилась на политической арене, спровоцировав волнения рабочих и массовые протесты в Москве и других городах, за которыми последовали жестокие репрессии против революционного движения, партии и народа. Это привело к тому, что многие представители мелкобуржуазной интеллигенции покинули партию. В философском плане этот отход от марксизма выразился в переходе на позиции реакционного эмпириокритицизма. В тот период товарищ Ленин вел борьбу на два фронта. Первый — политический: в 1908–1917 годах Ленин написал ряд статей, разоблачающих ликвидаторов и оппортунистов, стремившихся превратить партию в аморфную, легально действующую организацию. Вторым фронт — философский, имевший исключительную важность: здесь ему предстояло разгромить школу эмпириокритицизма. Суть оппортунизма заключалась в логике эмпириокритической школы. Поняв это, товарищ Ленин практически уничтожил её в своей книге. Ниже мы приводим сопоставление оппортунизма и эмпириокритицизма; это поможет нам понять философскую подоплеку политического вопроса, поднятого тогдашними оппортунистами, — во многом здесь можно найти аналогии с современными оппортунистами, с которыми ведет борьбу наша партия.

	Эмпириокритицизм	Оппортунизм
Об опыте	Субъективный идеалист: ощущение индивида — первично.	Субъективный идеализм: из-за этого они придают значение собственному опыту участия в движении и отрицают важность теории как путеводной звезды. В центр политики они ставят роль и чувства отдельной личности.
Об объективной истине	Объективной истины не существует. Истина — это организующая форма человеческого опыта.	Истина всегда относительна, а потому неизбежно обусловлена. Абсолютной истины не существует.
Безпартийность	Пытается позиционировать себя как нейтральную сторону — не идеалистическую и не материалистическую, — хотя по сути является субъективно-идеалистической.	Никогда не обозначает свою политическую линию четко. Вечно мечется из стороны в сторону, словно бесхребетная рептилия. Принцип «сидения на двух стульях».
О причине и следствии	В природе нет ни причинности, ни порядка — всё это лишь наш субъективный опыт, находящийся отражение в языке.	На возникновение какого-либо эффекта влияет множество факторов, поэтому было бы ошибочно искать причину лишь в одном из них.

И оппортунист, и эмпириокритик отрицают существование абсолютной истины. В их классовых интересах сохранять понятие истины расплывчатым и неопределенным, чтобы иметь возможность следовать тому принципу, который им наиболее выгоден; такова основная черта оппортунизма — стремление усидеть на двух стульях, и именно эта относительность обосновывается в эмпириокритицизме. Товарищ Ленин разъясняет, как коммунисту следует подходить к этому вопросу. Он говорит: *«Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различие относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько "неопределенно", чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько "определенно", чтобы отмежеваться самым решительным и бесспорным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта»*. Отрицание абсолютной истины остается характерной чертой оппортунистов и по сей день. Когда любой вопрос или проблема сводятся к относительности, оппортунизм находит лучший способ уклониться от ответа или избирательно принять ту или иную позицию. Для них понятия «закрытости» или «открытости» относительны. Создание дисциплинированной партии — тоже понятие относительное. Относительность служит оправданием невыполнения ожидаемых действий. К тому же, когда всё относительно, никто не может обвинить вас в отступлении от партийной линии. Столь ценной для оппортуниста была идея отрицания абсолютной истины. Казалось, будто школа эмпириокритицизма снабжала оппортуниста кислородным баллоном в моменты, когда он подвергался массовой, подобной эпидемии атаке со стороны большевиков.

Ещё одна тревожная черта эмпириокритицизма как философии заключается в том, что он делает индивида одновременно и субъектом, и объектом анализа. Такой гипертрофированный индивидуализм на практике ведёт к субъективным, ненаучным эмоциям и умозрительным построениям. Мелкая буржуазия, напуганная неудачей пролетарского восстания и не нашедшая в себе мужества следовать идеологии, требующей терпения и стойкости, в конечном счёте находит утешение в философии, которая отрицает необходимость партийности и поощряет уклончивость. Это учение поощряет индивидуализм, утверждая, что личные эмоции являются более важной составляющей истины, чем логика. Логика связывает человека с пролетариатом в борьбе за освобождение, тогда как придание главенствующего значения эмоциям замыкает его в кругу собственных нужд и потребностей. Такова буржуазная мораль эмпириокритической школы. Идеи эмпириокритицизма породили и укрепили оппортунизм в коммунистическом движении. Однако грандиозная Октябрьская революция в России разрушила все надежды эмпириокритиков и утвердила ленинизм. Вслед за Россией по пути марксизма-ленинизма пошел и Китай: под руководством товарища Мао революция там увенчалась успехом в 1949 году, а марксизм-ленинизм-маоизм утвердился как новая, передовая форма марксизма-ленинизма. Так половина мира стала «красной». Это стало сокрушительным ударом для империалистических держав. Чтобы восстановить свои позиции, им потребовалась перестройка на двух фронтах: политико-экономическом и идеологическом. Корректировка в сфере политической экономии приняла форму плана Рейгана — Тэтчер, получившего название «неолиберальная политика». На идеологическом уровне новым инструментом стал постмодернизм — явление, также носившее характер «нео-», а именно — неоэмпириокритицизм. Стратегия заключалась в том, чтобы сдерживать коммунистическое влияние в университетах путем поддержки «некоммунистических левых» — по сути, современных эмпириокритиков. Это были постмодернистские интеллектуалы, чьи взгляды формировались в поле марксизма, но которые зачастую называли себя «новыми левыми», «радикальными левыми» или «неомарксистами».

Наблюдая огромное влияние марксизма-ленинизма в европейских студенческих кампусах, империалистические силы США поручили ЦРУ задачу не допустить проникновения коммунистической пропаганды в европейские университеты. Для этого была сформирована специальная группа ЦРУ, в которую вошли эксперты из академических кругов разных стран. Они разработали стратегию, суть которой заключалась в объединении левых интеллектуалов, не разделяющих коммунистические взгляды, чтобы противопоставить их интеллектуалам-коммунистам. Эти левые интеллектуалы получали финансирование от ЦРУ и занимались написанием и распространением статей и теоретических работ с критикой коммунизма и марксизма — в частности, с осуждением практики, существовавшей в СССР и Китае. Идея, лежавшая в основе этой мобилизации «некоммунистических левых», горячо поддерживалась такими фигурами, как Чип Болен, Исайя Берлин, Николай Набоков, Аверелл Гарриман и Джордж Кеннан. Перед группой стояла задача борьбы с тоталитаризмом. Она действовала тайно, а её участники выполняли как индивидуальные, так и коллективные поручения.

В сфере политической экономии империалистические силы вновь столкнулись с кризисом. Финансовый капитал усилился и сконцентрировался в руках немногих. Банки становились всё более могущественными, в то время как у потребителей едва хватало средств на погашение кредитов. По мере углубления экономического кризиса по всему миру вспыхивали политические волнения и народные движения; 1960-е годы стали десятилетием глобальных революций. В то время казалось, что мировая социалистическая революция уже близка. Однако череда предательств со стороны ревизионистского руководства — Хрущева в России (после товарища Сталина) и Дэн Сяопина в Китае (после товарища Мао) — погрузила мировой пролетариат в глубокую скорбь. Потеряла надежду и мелкая буржуазия. В этот период, когда мировой пролетариат не обладал государственной властью, империалистическая буржуазия стала продвигать идеологии «некоммунистических левых» — по сути, неоэмпириокритицизм, — которые впоследствии получили название «постмодернизм». Мелкая буржуазия, охваченная разочарованием, поддавалась романтическому очарованию постмодернизма — идеологии правящего класса. Постмодернизм проник повсюду: от искусства, литературы и архитектуры до сферы сексуальных отношений и питания — на всем, что нас окружает, лежит его отпечаток. Столь мощной была пропагандистская машина империалистических держав, направленная против коммунизма. Группа антикоммунистически настроенных левых интеллектуалов и их кураторы из ЦРУ блестяще справились с задачей, добившись прочного утверждения постмодернизма в университетской среде.

Постмодернистские оппортунисты и коммунистическая партия

Товарищ Мао говорил, что партия — это важнейшее и главное оружие, с помощью которого народная армия и единый фронт могут осуществить освобождение народа. Он также отмечал, что единство партии может быть достигнуто лишь на основе идеологической ясности. Товарищ Мао говорил: «Наша партия сплотится еще теснее на этой основе — на основе общего понимания идеологии, политики и различных политических курсов». Без идеологического централизма внутри партии она не может называться коммунистической. Именно таким должен быть настрой любого организатора, стремящегося создать партию. Для партийного организатора идеология всегда должна стоять на первом месте. Партийный организатор — это тот, кто отдает приоритет идеологической работе перед всеми остальными видами деятельности. В нынешних условиях для нашей партии работа на идеологическом фронте приобрела особое значение. Ведь, с одной стороны, мы сталкиваемся с жесточайшими, смертельно опасными нападками на руководство партии, а с другой — оппортунистические, ликвидаторские и ревизионистские элементы пытаются превратить партию в бессодержательную структуру, удобную правящему

классу. Если мы хотим возродить партию, если хотим освободить угнетенный и эксплуатируемый народ от убийственного натиска компрадорских феодально-фашистских сил, то единственная наша опора — это марксизм-ленинизм-маоизм. Мы должны искоренить в своих рядах любые немарксистские идеологии и практики. Если мы будем твердо держаться нашей идеологии, то рано или поздно одержим победу. Но если мы хоть на миг проявим беспечность на идеологическом фронте борьбы, то погубим всё то, чего наши мученики добились ценой собственной крови.

Мы должны помнить, что главной угрозой для нас является правый оппортунизм. Наш ЦК и Политбюро также признали правый уклон одной из причин наших неудач. Однако некоторые представители оппортунистического крыла твердят, что левый оппортунизм не менее опасен для партии. Подобный акцент на левом оппортунизме — это, по сути, лишь прикрытие для нападок на подлинно марксистскую линию. Ведь они настолько сместились вправо, что верный марксистский путь кажется им «левым». По этому поводу товарищ Мао в своей статье «Ситуация начинает меняться» отмечал: «Есть также люди, чьи взгляды грешат ревизионизмом или правым оппортунизмом. Они представляют собой большую опасность, поскольку их идеи отражают буржуазную идеологию внутри партии. Они тяготеют к буржуазному либерализму, всё отрицают и связаны тысячами нитей с буржуазной интеллигенцией вне партии. В последние месяцы люди критиковали догматизм, но оставляли ревизионизм без должной критики. Догматизм следует критиковать, иначе многие ошибки невозможно будет исправить. Теперь же пришло время сосредоточить внимание на критике ревизионизма». Догматизм — это отражение мелкобуржуазной идеологии внутри партии, тогда как правый оппортунизм представляет собой идеологию, всецело являющуюся буржуазной. Хотя левый оппортунизм (или догматизм) опасен и требует немедленного исправления, в нынешних условиях — при отсутствии политических сил с «левым» уклоном как внутри страны, так и на мировой арене — его влияние минимально. Разговоры о «левом» догматизме зачастую инициируются правыми оппортунистами, стремящимися атаковать верную марксистскую линию. Настоящим врагом для нас является оппортунистическая, ликвидаторская и ревизионистская идеология. Определив главную опасность, мы должны выявить формы её проявления в нашей партии. Тенденции и уклоны правого оппортунизма находят свое отражение следующим образом:

1. Они пытаются сделать деятельность партии легальной и открытой, отходя от подпольной жизни и пути вооруженной борьбы. Они ставят под сомнение целесообразность подпольной практики, утверждая, что открытая работа не менее важна, чем подпольная. Они говорят, что ситуация изменилась, государство усилилось, поэтому необходимо серьезно переосмыслить прежние формы работы. (Важно отметить: они не призывают прямо отказаться от подпольной жизни и не утверждают, что в изменившихся условиях подполье и вооруженная борьба невозможны).
2. Они придают первостепенное значение демократии в ущерб централизму — важнейшему элементу партийного принципа демократического централизма. Под лозунгом демократии они стремятся лишить вышестоящий комитет полномочий по обеспечению выполнения партийной линии на уровне местных комитетов. Они заявляют, что готовы подчиняться вышестоящему комитету, но требуют, чтобы тот советовался с ними перед принятием любых решений. Используя это требование как предлог, они прекращают координацию с вышестоящим комитетом. Они клянутся именами погибших товарищей, что остаются верны партии и выступают лишь против диктата вышестоящего комитета, утверждая: «Я подчиняюсь Центральному комитету, но местный вышестоящий комитет некомпетентен, и следовать его указаниям нельзя».
3. Они уделяют чрезмерное внимание языку, словам, символам, формулировкам, кавычкам и т.д., пытаясь выявить дисбаланс власти в отношениях между вышестоящим комитетом и рядовыми товарищами или нижестоящими комитетами. Они признают, что по существу содержание письма или заявления приемлемо, но критикуют форму изложения как крайне проблематичную, называя ее субъективной, бюрократической и авторитарной. Таким образом, они стремятся перевести всю дискуссию в плоскость властных отношений, заложенных в языке, и присущей ему бюрократии.
4. Они отвергают любые организационные структуры; они либо не создают их вовсе, либо, если структура существует, намеренно лишают её властных полномочий и делают недееспособной, не обеспечивая связи с вышестоящим комитетом. Когда им указывают на это, они заявляют: если вопрос можно решить в рабочем порядке, то зачем нужны формальные собрания и отчетность перед вышестоящим комитетом? По их мнению, главное — выполнить работу, а наличие или отсутствие структуры — вопрос второстепенный.
5. Они выступают против партийной позиции по вопросам гендера и сексуальности, отстаивая идеи «свободной любви» и «свободного секса». Они проповедуют сексуальный анархизм. Говорят, что позиция партии по вопросам сексуального оппортунизма и ЛГБТ носит феодальный и патриархальный характер.

Отметив правооппортунистические взгляды по упомянутым вопросам, давайте теперь рассмотрим, что говорят о них теоретики постмодернизма.

Первый довод, выдвигаемый правыми оппортунистами, связан с идеей «потока» (или непрерывного изменения) у Батлера, которую она заимствовала у Фуко. Об этом писали многие постмодернистские теоретики. Возможно, это

краеугольный камень постмодернизма. Чем выше мобильность, тем труднее локализовать объект и тем сложнее его определить и зафиксировать. Подобное состояние ослабляет характеристики, присущие конкретной структуре, порождая хаос и случайность. Для постмодернистской философии изменение — это всегда непрерывный поток. Оно не знает ни стадий, ни скачков. Изменение здесь равнозначно случайности и постоянству. Руководствуясь такой логикой понимания перемен, правые оппортунисты утверждают: поскольку общество изменилось, а государство стало более могущественным, нам необходимо соответственно меняться и отказаться от вооруженной борьбы. Это понимание, основанное на случайном характере изменений. Такова суть идеи «потока» в теории Батлер: изменение — это непрерывный поток. Для маоиста же изменение происходит при переходе от количественного к качественному, причем через определенные стадии и посредством скачков. Далеко не любые перемены требуют смены стратегии индийской революции. Простое количественное изменение не приведет к качественному сдвигу в обществе. Необходим скачок. Этот скачок характеризуется наличием стадий. Бесконечно твердить об «изменениях», не изучая природу скачка и стадий, — значит следовать постмодернистской философии перемен. Не следует сбиваться с толку самой идеей изменений; любые перемены необходимо осмысливать с позиций диалектического и исторического материализма, которым нас учили товарищи Маркс, Ленин и Мао. Процесс включает в себя стадии, и изучение этих стадий позволяет определить характер изменений, а также их возможную форму и содержание в будущем. Осмелились ли эти оппортунисты теоретически обосновать скачок и стадию, которых, по их утверждению, достигло общество? Нет, они не провели никакого анализа в подтверждение своих слов. Всё, что они сделали, — это поддались влиянию потока вздорной империалистической постмодернистской философии.

Второй вопрос касается концепции власти у Фуко. Фуко утверждал, что власть по своей сути репрессивна и присутствует повсюду. Поэтому для подрыва власти приветствуется любое проявление инаковости. Обычно это принимает форму «контрдискурса»: даже если он нелогичен, безоснователен и бессмысленен, его все равно следует превозносить и поддерживать. Таким образом, правый оппортунист, не признающий авторитет Высшего комитета (ВК) по каким-либо причинам, на самом деле руководствуется логикой Фуко, согласно которой любая власть по своей сути носит угнетающий характер. Товарищи же, которые вместо того, чтобы пресекать подобную недисциплинированность, приветствуют позицию такого оппортуниста, противопоставляющего себя ВК, также находятся под влиянием этой антиавторитарной тенденции, полагая, что подрыв вышестоящей власти — дело прогрессивное. Проблема здесь кроется в самой концепции отрицания авторитета, которая напрямую происходит из постмодернистского понимания власти. Заявления о признании Центрального комитета (ЦК) носят лишь формальный характер, поскольку всем известно, что ЦК не будет заниматься непосредственным решением текущих вопросов. Таким образом, оппортунистическая риторика служит лишь прикрытием для отрицания авторитета. В тех случаях, когда ЦК все же берёт на себя функции непосредственного руководства, эти оппортунисты начинают утверждать, что ЦК либо пошёл по стопам ВК, либо стал действовать ещё более жёстко, чем ВК. Философия феноменологии и экзистенциализма служит путеводной звездой для наших оппортунистов: по сути своей они эмпирики, борющиеся за радикальную буржуазную свободу и свободу выбора. Прикрываясь званием коммунистов, они отстаивают буржуазную автономию и право проводить собственную политическую линию. Ультрадемократия либеральной буржуазии — это радикальная свобода эпохи постмодерна.

Если «ультрадемократия» была свойственна анархизму, то «радикальная свобода» основывается на идее подрыва власти — будь то внутри какой-либо структуры или вне её. Именно подрыв власти пролетариата имеется в виду, когда правые оппортунисты отказываются признавать авторитет Высшего комитета (ВК). Но осмелятся ли эти оппортунисты бросить вызов власти феодально-буржуазных элит, олицетворяемой государством?

Постмодернизм оказывает огромное влияние на наше общество. По мере роста численности среднего класса усиливается и власть постмодернизма над массами. В постмодернизме противник обрёл свое самое эффективное оружие. Раньше таким оружием служила буржуазно-реформистская политика «государства всеобщего благосостояния», но тот эффект, которого добился постмодернизм, не под силу ни одной другой идеологии. Империалистическому неолиберальному миропорядку необходимо массовое потребление. Массовому потреблению способствуют кредитная система и цифровизация рыночной экономики. В результате потребление всё больше превращается в индивидуальный акт, основанный на личном выборе и субъективных предпочтениях. Постмодернизм вступил в полный симбиоз с неолиберальным миропорядком. Та же текучесть и хаотичность, что свойственны рынку финансового капитала, присущи и философии постмодернизма. Реалии современного рынка поощряют гипериндивидуализм. Индивиду предоставляются частные рыночные пространства (например, Amazon, Flipkart и т. д.) и возможность составлять личные списки желаний. Ограничения, связанные с нехваткой средств, отходят на второй план, когда человеку предлагают взять кредит, воспользоваться кредитной картой, сыграть в игру или скачать приложение. Однако за этим фасадом на деле не остается ничего по-настоящему личного: всё формируется логикой империалистического капитала и его неолиберальными потребностями. Иллюзия свободы и выбора приводит в движение идеологические механизмы рынка. Эта мнимая свобода и право выбора находят своё отражение и в политике.

Материальной основой того, что правые оппортунисты отвергают авторитет Высшего комитета, служит цифровая рыночная экономика, порожденная империалистическим финансовым капиталом. Этот рынок создает иллюзию индивидуального выбора и радикальной свободы, однако в представлении мелкой буржуазии принцип

демократического централизма выглядит как рабство, поскольку он требует преданности идеологии и коллективу. Поэтому оппортунисты атакуют именно централистскую составляющую демократического централизма, искажая этот принцип и утверждая, что демократия является его сутью, которая должна превалировать во всех аспектах и в любое время. Они рассматривают централизм как проявление власти, а их понимание власти совпадает с трактовкой Фуко, полагавшего, что любые формы власти по своей сути носят угнетающий характер. В этой связи важно вспомнить конкретную позицию по вопросу о демократическом централизме, которую товарищ Мао изложил в брошюре «За правильный стиль в работе партии». Выступая против тех, кто стремился к обособленности, он говорил: *«Они не понимают системы демократического централизма в нашей партии и не желают знать, что партии нужна не только демократия, но в ещё большей степени нужен централизм. Они забыли, что при демократическом централизме меньшинство должно подчиняться большинству, нижестоящая инстанция — вышестоящей, частное — целому, а все партийные организации — Центральному Комитету»*. Чжан Готао отстаивал свою «независимость» от Центрального комитета партии и в итоге «доказал» её, предав партию и став агентом Гоминьдана.

Оппортунисты демонстрируют весьма изощренную логику, играя на двух сторонах противоречия. Так они поступали ещё со времен Бернштейна, Ларина и Мартова, а в наших условиях этим искусством овладевают такие деятели, как Девджи и Венугопал. Они утверждают: *«Любое противоречие имеет две стороны; следовательно, необходимо учитывать обе эти стороны, и при вынесении суждения о развитии объекта, процесса или явления нельзя отдавать предпочтение одной стороне перед другой»*. Товарищ Ленин называл это «сидением на двух стульях». На первый взгляд такое утверждение может показаться верным, но именно здесь и кроется та самая хитрость, о которой шла речь. Эта уловка была отточена эмпириокритицизмом, отрицающим объективность и партийность, а в наши дни она ещё прочнее укоренилась в оппортунистической философии благодаря постмодернистской логике таких мыслителей, как Фуко, Деррида, Батлер и другие. Они утверждают, что фиксация и определение идентичности объекта — это акт осуществления дискурсивной власти, носящий репрессивный характер. В результате оппортунисты учатся избегать фиксации на доминирующей стороне противоречия. Приведенное выше высказывание оппортунистов отрицает понятие идентичности и обрекает нас на пребывание в хаотичном, зыбком, воображаемом мире постмодерна. Оно отвергает диалектико-материалистическое и историко-материалистическое понимание процесса развития вещей. Ведь хотя любое противоречие действительно имеет две стороны, движущей силой развития предмета является вопрос о том, какая из этих сторон выступает в качестве главной. Именно это товарищ Мао называл «главной стороной главного противоречия».

Товарищ Мао говорил: *«В любом противоречии развитие противоречащих сторон происходит неравномерно. Порой они кажутся находящимися в равновесии, однако это равновесие лишь временное и относительное, тогда как неравномерность — это фундаментальное свойство. Из двух противоречащих сторон одна неизбежно является главной, а другая — второстепенной. Главная сторона — это та, которая играет ведущую роль в противоречии. Природа вещи определяется главным образом главной стороной противоречия — той стороной, которая заняла господствующее положение»*. Оппортунисты отошли от этой философской линии; их учителем стал Мартин Хайдеггер. Именно он утверждал, что бытие — это не что иное, как языковой акт. Деррида же говорил, что бытие — это фикция, созданная языком. При таком понимании остается ли место для внутренних противоречий бытия и для стадийности процесса его развития?

Рассмотрев философию противоречия, которую отстаивает оппортунист, перейдем к третьему вопросу — проблеме языка, знаков, слов и т. д. Обратимся к идеям постмодерниста Лиотара, утверждающего, что язык превращается в игру, где истину зачастую диктует тот, кто располагает большими ресурсами. Деррида называет язык инструментом контроля и характеризует его как «насиловственную иерархию». Чтобы выйти из этого состояния, он предлагает метод деконструкции — прочтение в тексте смыслов, которые автор мог (или не мог) в него вкладывать. По мнению Деррида, это можно делать, не интересуясь намерениями писателя, поскольку «автор мертв». Эта теория послужила опорой для оппортунистической политики.

Они принялись деконструировать язык ВК. Не стремясь понять намерения или мотивы, стоящие за этим языком, они сосредоточились на символических выражениях. Это отвечает их оппортунистическим интересам. Сам Фуко назвал тексты Деррида «террористическим обскурантизмом». О Деррида он говорил так: «Он пишет настолько туманно, что невозможно понять, о чём речь — в этом и заключается обскурантизм; а когда его критикуют, он всегда может заявить: "Вы меня не поняли, вы идиот" — в этом и состоит терроризм». Деррида прибегает к старейшему приему софистической школы философии. Этим и объясняется любовь к Деррида в лагере оппортунистов. С помощью идей Деррида можно подорвать любую логику, сведя всё к бессмысленному жонглированию словами и символами. Оппортунисты используют это в своих целях. Они атакуют правильную политическую линию партии, используя данное оружие: утверждают, что сам язык носит диктаторский характер, а потому содержание сказанного теряет всякий смысл.

Поскольку общение с этими оппортунистами зачастую происходило посредством писем, у некоторых наших товарищей сложилось мнение, что именно переписка усложнила ситуацию. Они полагают, что обмен письмами порождал путаницу и недопонимание, которые можно разрешить лишь при личных встречах. В таком взгляде тоже прослеживаются черты постмодернизма. Проблема не в письмах: нам известно, что история мирового

коммунистического движения знает немало примеров успешного использования переписки для руководства движением и координации действий товарищей. Проблема кроется в политической линии самих оппортунистов: они используют постмодернистскую риторику, чтобы атаковать политический курс и руководство партии.

Ещё один серьёзный вопрос, поднимаемый современными оппортунистами, касается организационной структуры. Их позиция по этому пункту — не что иное, как постструктурализм, маскирующийся под марксизм. Постструктуралисты полагают, что в традиционном обществе власть была централизована и организована в рамках определенной структуры. Они считают структуру по своей сути властной, исключаящей и, следовательно, угнетающей. В противовес этому они отстаивают идеи индивидуального выбора и радикальной свободы. Поэтому они не создают никаких структур — не говоря уже о том, чтобы атаковать их с целью деконструкции. Применительно к коммунистической практике это порождает оппортунистов, которые не проводят партийных собраний, не создают новых структур и намеренно сохраняют аморфность организации. Тем самым они не допускают централизации власти внутри партийной структуры; единственной силой, которая продолжает централизоваться и становиться всепроникающей, оказывается государственная власть — власть правящего класса, — тогда как власть пролетариата, воплощенная в коммунистической партии, приходит в упадок. На месте коммунистической партии возникает единоличная диктатура: власть бюрократа, не несущего никакой ответственности и не подотчетного никому, но при этом претендующего на непогрешимость. В ходе этого процесса личность вытесняет коллектив. Так мы видим, как постмодернизм укрепляет буржуазную политическую линию внутри коммунистического движения.

Последний выпуск этой серии посвящен теории «гендера» и сексуальности постмодернистов. Известный лозунг постмодернистов в этом отношении — «больше секса, больше свободы». Ничто так ясно не объясняет их позицию, как это. Постмодернисты, в частности Фуко, критиковали викторианское модернистское представление о «гендере» и сексуальности. Он определил «гендер» как социальный конструкт. Позже другой постмодернист, известный своей печально известной квир-теорией, утверждал, что «гендер» — это перформанс, и он может принимать любую форму в зависимости от личного опыта. Использование слова «гендер» вместо биологического слова «пол» считалось прогрессивным. В то время как использование слова «пол» рассматривалось как биологический детерминизм и модернизм. «Гендер» в постмодернистском философском мировоззрении олицетворял собой текучесть и случайность, предоставляя место неолиберальной рыночной логике. Изменение гендера по выбору индивида стало общепринятым. Здесь также акцент делался на индивидуальном выборе и радикальной свободе его осуществления.

Это объясняет, почему Батлер постоянно утверждает, что всегда следует подвергать сомнению свою гендерную идентичность, сомневаться в ней и переосмысливать её. Материальная реальность полностью отрицается. Остаётся лишь вымысел и абстракция. Наиболее критическим аспектом постмодернизма является его атака на логику, рациональность и рассуждения, одновременно отдавая предпочтение эмоциям, чувствам, желаниям и удовольствиям. Батлер, критикуя гендер, использует концепцию «квир» для определения всего, что подрывает существующую властную матрицу. Слово «квир» — это неоднозначный термин, который можно отнести ко всему, что рынок может себе представить или купить на рынке. Но у некоторых правых оппортунистов нет с этим проблем. Они считают квир-теорию дополнением к марксизму. Многие из оппортунистических интеллектуалов, такие как Хардт и Негри, начали утверждать, что удовольствие является частью производительной силы, и, следовательно, определение «квир» и связанная с ним концепция станут освобождающей концепцией для производительных сил. Такая вульгаризация марксизма никогда прежде не происходила. Возможно, никогда прежде влияние марксизма на народ не было таким слабым, как сейчас.

В отличие от преобладающего постмодернистского понимания пола и сексуальности, наша партия считала, что слово «гендер» или «квир» — это постмодернистская, спонсируемая империалистами, прорыночная буржуазная концепция, и поэтому ему следует противостоять. Вместо этого следует использовать слово «пол», которое само по себе используется как обозначение биологических и социальных аспектов пола. Кроме того, мы также считали, что смена пола будет рассматриваться только при наличии определенных материальных биологических условий, приводящих к желанию смены пола. В противном случае желание смены пола является, по сути, рыночно-ориентированной, спонсируемой империалистами, постмодернистской идеологической тенденцией. (Учитывая отсутствие четкой позиции по вопросу смены пола, наша партия не дает своим членам разрешения на смену пола, но позиция, которую мы только что изложили, является общей позицией как для народа, так и для кадров, и она останется нашим руководящим принципом, даже если право на смену пола будет предоставлено ЦК). Помимо этой твердой позиции, партия продвинулась вперед в своей борьбе против империалистических анархических сексуальных практик. Она определила сексуальный оппортунизм. Сексуальный оппортунизм определялся как оппортунизм в сфере сексуальных практик. Половой акт, лишенный пролетарской идеологии. Сексуальный оппортунист движим спонтанной, мелкобуржуазной, империалистической, постмодернистской логикой удовольствия и радости. Постмодернистские интеллектуалы пропагандируют такие сексуальные практики, в то время как оппортунист цепляется за них, ибо когда политика искажена, каждый аспект жизни следует за этим искажением. И в каждом искажении идеология постмодернизма удерживает оппортуниста. Вместе они идут, и вместе падут. Постмодернистским оппортунистам нет места в партии, наследующей товарищам Марксу, Ленину и Мао. Их необходимо вычистить, чтобы партия могла возобновить свою работу.

Заключение

Оппортунизм как политическое течение, отклонение или линия внутри коммунистической партии является отражением идеологии господствующего класса. Он опаснее вражеской пули, и единственный способ искоренить его в наших рядах — это активная идеологическая борьба. Нам необходимо переосмыслить наши взгляды на классовую борьбу. Многие наши товарищи заблуждались, полагая, что вооруженная борьба — это единственная форма классовой борьбы. Безусловно, вооруженная борьба является высшей формой классовой борьбы, но если мы проявим либерализм на идеологическом фронте и перестанем рассматривать борьбу на этом направлении как часть классовой борьбы, то неизбежно проиграем и на фронте вооруженном. Никто не понимает эту истину лучше, чем господствующий класс, поэтому он действует наиболее активно именно на психологическом уровне. В своём отчаянном стремлении атаковать идеологию пролетариата господствующий класс нашел новое оружие — постмодернизм. Это оружие острее, чем эмпириокритицизм начала XX века. Чтобы победить его, нам необходимо углубить и отточить наше понимание марксизма-ленинизма-маоизма. Если мы сумеем выявить постмодернистские течения в структурах нашей партии, то ослабим позиции оппортунистов и сами оппортунистические тенденции. Только активная идеологическая классовая борьба поможет нам искоренить оппортунистические течения постмодернистского толка в коммунистическом движении. Враг ведет масштабную кампанию с целью уничтожить нас — как физически, так и идеологически. В такие моменты мы вспоминаем слова товарища Ленина: «Против нас, против горстки социалистов, затерянных в русском подполье, стоит громадная машина могущественнейшего современного государства, напрягающего все силы, чтобы раздавить социализм и демократию. Мы убеждены, что в конце концов мы сокрушим это полицейское государство, ибо все здоровые и развивающиеся слои нашего общества стоят за демократию и социализм. Но для ведения систематической борьбы с правительством мы должны поднять революционную организацию, дисциплину и технику подпольной работы на высшую степень совершенства». Эти слова товарища Ленина разъясняют нашу главную задачу в настоящий момент. Твёрдо опираясь на принципы МЛМ, мы будем двигаться вперёд, к светлому будущему.